

— Тогда давай сходим в океанариум! Я знаю один новый, он просто огромный. Я там еще не был, очень хочу посмотреть!

Получив согласие, Чан Лэ тут же вскочил с места, уперся руками в бока и принялся подгонять Ноэля. Обед был оплачен Чан Лэ еще заранее — он настоял на том, чтобы взять расходы на себя, ссылаясь на гостеприимство.

Чан Лэ стремглав помчался к парковке, на бегу оглядываясь и торопя Ноэля. Он громко кричал, что если они приедут позже, то соберется толпа и им не достанется мест в первом ряду. Заразившись энергией Чан Лэ, Ноэль перешел на легкий бег. Увидев, что тот наконец догнал его, Чан Лэ просиял, и Ноэль невольно рассмеялся в ответ.

Стоя у входа в океанариум, они оба замерли в изумлении, глядя на бесконечную очередь. Чан Лэ с хитрой улыбкой начал рыться в своем рюкзаке и наконец выудил оттуда небольшую пачку билетов.

— Смотри, что у меня есть! Я заранее попросил кое-кого их достать, хе-хе.

Чан Лэ помахал билетами перед лицом Ноэля.

— Это специальные билеты с открытой датой, так что мы можем прийти в любое время.

Ноэль смотрел на сияющего Чан Лэ и чувствовал себя так, будто наблюдает за павлином, который распустил свой роскошный хвост.

— Пойдем, мой умный господин Лэ.

Ноэль протянул руку, приглашая Чан Лэ взяться за нее.

— Будем держаться за руки, чтобы не потеряться.

Чан Лэ почувствовал, что снова попался на крючок, и вложил свою ладонь в руку Ноэля. Он без тени смущения повел Ноэля менять билеты на входные карты.

— Вау, ты только посмотри туда! Какая огромная белуха!

Стоило им войти, как Чан Лэ, завороженный многообразием морских обитателей, принялся восторженно восклицать. Его глаза разбегались, он не знал, на что смотреть в первую очередь. У павильона с китовыми акулами он замер перед белухой и долго не мог оторвать от нее взгляда, а затем вытащил блокнот и принялся что-то быстро зарисовывать.

Ноэль с любопытством наблюдал за его движениями: всего пара штрихов — и на бумаге ожила реалистичная белуха, точь-в-точь как та, что плавала перед ними. Не желая мешать, Ноэль молча смотрел, как Чан Лэ дорисовывает что-то рядом с китом. Вскоре на бумаге появился наряд с переливающимися, словно морская гладь, текстурами, дополненный изящными аксессуарами.

Увидев, что Чан Лэ закончил, Ноэль не удержался и спросил:

— Не ожидал, что ты так здорово рисуешь. Это платье ты тоже только что придумал?

Чан Лэ был настолько погружен в свой мир, что лишь спустя мгновение осознал, что Ноэль обращается к нему.

— Ага, я немного учился у мамы. Иногда, когда приходит вдохновение, я делаю наброски. Ты ведь знаешь, что моя мама — дизайнер?

Ноэль кивнул:

— Я знал о профессии твоей матери и слышал от нее, что ты тоже немного учился, но не думал, что у тебя такой талант.

Искреннее восхищение Ноэля заставило Чан Лэ просить еще ярче. Он выпятил грудь и похлопал себя по ней:

— Ну конечно! Ты хоть знаешь, кто я? И кто моя мама?

Говоря о матери, Чан Лэ выглядел невероятно гордым, и Ноэлю даже показалось, что нос его собеседника стал чуточку длиннее от важности.

— Лэ невероятно талантлив, как и твоя мама.

— Хм-хм-хм.

Чан Лэ в приподнятом настроении зашагал к следующему павильону. Они бродили по выставке весь день и лишь к вечеру смогли всё осмотреть. Время от времени Чан Лэ останавливался, чтобы запечатлеть внезапно возникшие идеи. Когда они вышли из океанариума, закатное солнце окрасило полнеба в багровые тона. Чан Лэ приложил ладонь козырьком к глазам, вглядываясь вдаль.

— Уже так поздно, пора возвращаться.

Чан Лэ, который внутри наелся до отвала, повернулся к Ноэлю:

— Ты еще хочешь ужинать?

Ноэль покачал головой, давая понять, что тоже сыт. Внутри павильонов Чан Лэ соблазнился множеством закусок и, желая попробовать всё, постоянно тянул Ноэля за руку. Его блестящие глаза, устремленные на Ноэля, говорили сами за себя. Ноэль, не умевший ни в чем ему отказывать, конечно же, соглашался. В итоге они оба переели, и только к этому моменту тяжесть в желудках немного улеглась.

Чан Лэ хихикнул:

— Ну тогда поехали домой.

Снова заняв пассажирское кресло, Чан Лэ спросил:

— Тебе сегодня было весело? Не было скучно? Я был так увлечен, что совсем перестал обращать на тебя внимание...

Сказав это, Чан Лэ смутился, осознав, что сам себя выдал. Вспомнив, как он заставил Ноэля съесть столько закусок, что тот едва дышал, он почувствовал себя еще более виноватым. Ноэль посмотрел на него и улыбнулся:

— Было очень весело. Это был самый счастливый день в моей жизни.

Весь день Ноэль не сводил с Чан Лэ влюбленного взгляда. Что бы тот ни делал, он всегда сиял, и Ноэль не мог не тянуться к этому свету, не имея сил сопротивляться.

— Главное, что тебе понравилось! В следующий раз я отведу тебя в другое место, может, там тебе будет так же хорошо!

Чан Лэ был счастлив, что его старания оценили. Делиться любимыми местами и вещами, когда в ответ получаешь одобрение и похвалу, — это наполняло его сердце радостью. Он чувствовал, что все его ожидания были услышаны и бережно приняты. В его душе стало на одну частичку теплее.

— Договорились. Давай закрепим обещание, его нельзя нарушать.

Чан Лэ протянул руку и сцепил мизинец с мизинцем Ноэля.

— Кто нарушит обещание, тот будет собакой!

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись, не в силах сдержать эмоций.

Вернувшись домой, Чан Лэ застал отца и маму — Чан Сяо и Фу Вэньцзюнь — чинно сидящими на диване в гостиной. По всему было видно, что они ждали его возвращения. Чан Лэ почувствовал неладное и осторожно спросил:

— Папа, мама, что вы делаете? Ждете меня?

Чан Сяо приподнял подбородок, жестом приглашая сына сесть. Когда Чан Лэ опустился на диван, отец заговорил:

— Малыш, ответь мне: вчера ты позвонил и попросил забрать тебя из отеля — что на самом деле случилось?

Фу Вэньцзюнь добавила:

— Когда мы вернулись вчера, не стали спрашивать, потому что Нозль был рядом. А вечером ты был таким уставшим, что мы решили тебя не беспокоить. Сегодня вы весь день гуляли, выглядели счастливыми, и сейчас посторонних нет. Рассказывай.

Чан Лэ в тревоге переводил взгляд с одного родителя на другого. Он уже набрался смелости, чтобы во всем признаться, как вдруг в комнату вошла тетушка У.

— Лэ-лэ, в твоём кармане была бумажка, надеюсь, не важная? Я собиралась стирать вещи, залезла в карман и нашла вот это.

Она протянула Чан Лэ клочок бумаги. Заметив, что вся семья в сборе и атмосфера в комнате довольно напряженная, тетушка У замахала руками:

— Ой, не заметила, что Сяо-Сяо и Вэньцзюнь дома. Я, кажется, не вовремя? Вы общайтесь, общайтесь, я не буду мешать.

Она быстро ушла, и возникшая пауза окончательно разрушила серьёзный настрой. Чан Лэ немного выдохнул. Взглянув на записку, он вспомнил, что это номер, который вчера оставил тот человек по имени Цинь Юэ. За суматохой последних двух дней он совсем забыл об этой бумажке.

Фу Вэньцзюнь, заметив, что внимание сына переключилось, приподняла бровь и вопросительно посмотрела на Чан Сяо, мол, что теперь делать? Чан Сяо покачал головой, продолжая ждать объяснений. Чан Лэ смотрел на номер Цинь Юэ, мучительно раздумывая, стоит ли рассказывать правду. Он не знал, кто этот человек и что он из себя представляет. Если он расскажет, а потом окажется, что это ничего не значащая ситуация, то он лишь переложит свои тревоги на родителей. Чан Лэ решил, что лучше сначала придумать какой-нибудь предлог, чтобы уйти от ответа.

<http://bllate.org/book/22222/2318858>